

Павел Иванович Мельников-Печерский

Непременный

Павел Иванович Мельников-Печерский

Непременный

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377595

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Хаживал ко мне Андрей Тихоныч Подобедов – «непременный». Это значит, непременный заседатель земского суда. По уездам, с учреждения станowych, вывелось старинное слово «заседатель», и непременного заседателя земского суда стали звать просто «непременным». Это было плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном с гербовыми пуговицами сюртуке и в мухояровых панталонах. Добрейший был человек, всякому старался услужить, а к службе до того был усерден, что хворал только в табельные дни...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Павел Иванович Мельников-Печерский Непременный

Живя в богоспасаемом граде Бобылеве, познакомился я со всеми его обывателями, от городничего и соборного протоппа до сапожника Абросима и коллежского секретаря Маурина, что состоял под надзором полиции «за некоторые дебоши в одном из столичных городов Российской империи», как он выражался.

Хаживал ко мне Андрей Тихоныч Подобедов – «непременный». Это значит, непременный заседатель земского суда. По уездам, с учреждения станowych, вывелось старинное слово «заседатель», и непременного заседателя земского суда стали звать просто «непременным».

Это было плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном с гербовыми пуговицами сюртуке и в мухояровых панталонах. Добрейший был человек, всякому старался услужить, а к службе до того был усерден, что хворал только в табельные дни. Что всего замечательнее – не пил.

Он из старинных столбовых, но захудалых, мелкопоместных дворян. За отцом его по пятой ревизии в Д. губернии было записано двенадцать душ крестьян. С течением времени имение его «пропало без вести».

– Затерялось-с, затерялось, – с грустью и глубокими вздохами говаривал Андрей Тихоныч. – А теперь, пожалуй, душ двадцать пять народилось бы. Такое уж несчастье!., следов отыскать не могу. Пропали души, да и все тут.

– А земля-то куда ж девалась, Андрей Тихоныч?

– И земля затерялась...

– А документы?..

– И документы затерялись... Так-таки все затерялось. Что станешь делать? Видно, уж на то воля божия.

– Что ж вы не хлопотали?

– Два раза пробовал, да толку не выходило. На гербовые только истратился. Еще, славу богу, по манифесту простили. Не то просто беда – разориться бы мог. Вот вы, Андрей Петрович, в Петербурге служите, стало быть, все знаете... Скажите, бога ради, не предвидится ль по скорости милостивого манифестика?

– Кто ж это, кроме государя, может знать?.. А вам что?

– Да еще бы разок попробовал: авось вывезет. А не вывезет, так по крайности тем бы был спокоен, что гербовых не привелось бы платить.

Родитель Андрея Тихоныча служил, по выбору дворян, в земском войске 1807 года и потому носил золотую медаль на владимирской ленте, мундир с малиновым воротником и шляпу с зеленым пером. Служил в Бобылеве по выборам до смерти, а умер без гроша. В наследство Андрею Тихонычу, кроме без вести пропавших двенадцати душ, достался до-

машинный скарб, турецкий кинжал, ружье Лебеды да ста полтора книг екатерининского времени, большею частью разрозненных. Тихон Алексеич Подобедов жалел народ, оттого и помер нищим. Зато крестьяне всего Бобылевского уезда служили по нем панихиды, записали имя его в своих поминаньях. Старики до сих пор добрым словом его поминают.

Единственный его сын, Андрей Тихоныч, чуть не босиком бегал в уездное училище, а научившись там писать скорописью, был взят родителем из храма Минервы и введен во храм Фемиды, говоря классически, а если попросту сказать – родитель поместил его в первое повытье¹ бобылевского уездного суда. Тихон Алексеич говаривал: «уездный суд – всему начало и всему голова: тут молодой человек всему навькнет, тут и тяжebные дела и уголовные, тут всего лучше начинать службу».

Года через три Андрей Тихоныч получал уже по сороку пяти копеек в месяц жалованья. Каким богачом казался он товарищам! Те, получая такое же вознаграждение, были обязаны содержать кто мать-старуху, кто вдовую сестру с ребятишками, кто слепого отца, калеку. А Андрей Подобедов живет у отца на готовом! сыт, одет, обут, да еще сорок пять копеек в месяц... Богач!.. Шереметев!..

Еще при жизни родителя Андрей Тихоныч получил регистраторский чин и получал жалованья по девяноста по восьми копеек в месяц, без вычета на госпитали и раненых. Он

¹ Часть канцелярии, то же, что теперь называется «столом».

уж обзавелся тросточкой и важно ею помахивал, прогуливаясь по дырявым тротуарам Бобылева, обзавелся зелеными замшевыми перчатками и на кровные денежки справил суконную шинель горохового цвета «с семидесятью семью воротниками» – верх щегольства того времени.

Счастливый, довольный и собой и миром двадцатилетний Андрей Тихоныч стал помышлять о подруге жизни. На уездных вечеринках присосеживался к Оленьке, дочери магистраторского секретаря, говорил ей про свое сердце, и хоть она ему про свое ничего не сказывала, однако ж Андрей Тихоныч смекал, что и красненькую ленточку на груди Оленька для него прикалывает и височки колечком потому приглаживает, что ему так нравится...

Вдруг его родитель, Тихон Алексеич, скушавши за ужином шесть сковородок грибов в сметане, к утру лежал на том столе, где накануне кушал вкусные, сочные березовики. Он был первой жертвой первой холеры в Бобылеве... Остался Андрей Тихоныч один на своих руках. Еще слава богу, что ни за ним, ни перед ним никого не было: один как перст. А осталась бы обуза на руках – мать, например, аль сестры незамужние: не та б участь ему впереди была. Пустился б во вся тяжкая, спился б с круга. Всегда так бывает.

Увидел, что на девяносто восемь копеек безо взяток жить нельзя. А взятки брать не выучился. Пробовал, да они мимо его к секретарю проскакивали. Ему работа, да на совесть гнет, а секретарю денежки. Горько стало Андрею Тихонычу.

Об Оленьке и думать перестал, да и она, видя, что от него толку не будет, вышла за инвалидного поручика и зажила домком на счет солдатиков.

Тошно стало Андрею Тихонычу в Бобылеве. «Хоть землю, думает, буду копать, хоть воду стану носить, а перееду в губернию... Авось там другая мне линия выпадет».

«Экий я счастливец, – подумал он, когда совершенно неожиданно получил место в одном губернском присутственном месте. – Жалованье хорошее, и душа спокойна, оттого что взятки брать ни с кого не приходится. Знай, лупи, дери одну казну-матушку... А это разве грех...»

Служил-служил Андрей Тихоныч, пряжку беспорочную выслужил, титулярного получил. Человек смирный, покорный, безответный, каждое слово начальства, ровно слово из Неопалимой Купины, принимал. Оттого и начальство его возлюбило: каждый год Андрей Тихоныч получал наградные из остаточных сумм. От тех наград да от крупниц, что от казенной соли перепали, составился у Андрея Тихоныча капиталчик тысяч в пять ассигнациями.

Однажды занимался он в кабинете его превосходительства, господина статского советника Александра Иваныча. И до сих пор в провинции статских советников зовут превосходительством, а это было еще в те времена, когда статским советникам давали Станиславские звезды без ленты. Как же со звездой-то да не генерал? – Сановник!..

Таким звездоносцем-сановником был Александр Иваныч

фон-Кабрейт. Правил он много лет казенной палатой – казенная соль, винокуренные заводы, откупщики, рекрутские наборы, торги на поставки и подряды, купеческие свидетельства, казенные леса, оброчные статьи, перечисление душ – все под его властной рукой... И статьи-то какие все жирные!.. На пять, на десять таких сановников разделить – все бы сыты были... И разделили по времени – государственные имущества в особую палату отвели и Василья Трофимыча над ними посадили. И Александр Иваныч доходов не лишился, и Василий Трофимыч разбогател. А приехал в губернию в одной шинелишке.

– А что, – сказал Александр Иваныч, когда Подобедов кончил работу. – Женат ты, Андрей Тихоныч?

Сроду впервые начальство по имени по отчеству его назвало. У Андрея Тихоныча в глазах зарябило: будто крестик в петличку подвесили. И то опять, о чем спрашивает его превосходительство, не по службе, а по делу, можно сказать, партикулярному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.